

27 марта —
Международный день театра

Культура. — 1996. — 23 марта. — С. 7

Фото А. СТЕПАНОВА

Наедине с оркестром и хором

Александр СВОБОДИН

В этот вечер в Большом зале консерватории он казался мне еще более могучим, чем всегда. А вечер был необычным.

Большой симфонический оркестр под управлением Владимира Федосеева и Хоровая капелла имени Юрлова при участии Алексея Петренко исполнили ораторию Сергея Прокофьева "Иван Грозный". Это само по себе

событие. Достаточно часто исполнялась музыка к фильму "Александр Невский", к "Ивану Грозному" — куда как реже и, насколько мне память не изменяет, впервые прозвучала как созвучие трех жанров — хора, оркестра и артиста-чтеца, хотя ни чтецом, ни "мастером художественного слова" Петренко не назовешь. Он несет знамя драматического артиста.

Великолепно звучал оркестр. Диалог женской и мужской частей хора доводил звучание голосов до такой тон-

кости, что, казалось, уходил из сферы реальности и слышался уже в нашем подсознании.

И равновеликим этим двум частям был артист, являвший образность на острой грани между театром и прозой. У меня нет наивного желания убедить читателя, что слова музыки можно перевести в музыку слов, то есть адекватно передать музыкальный язык языком литературы. Напротив, каждая часть этого плывущего ввысь триптиха максималь-

но выражала себя. Хор был хором, оркестр — оркестром, а драматический артист являл собой монументальный комментарий к движению и развитию эпической мысли.

Алексей Петренко рожден для такого вот синтетического жанра, объединяющего музыку, пение и слово. И не потому, что он может силой голоса перекрыть оркестр, он становится равным ему и в нужные моменты выходит вперед не силой голоса, но силой жертвы себя, страстью самоотдачи.

В этот вечер он олицетворял образ властителя, первым назвавшего себя царем на Руси, пришедшего с идеей объединить под своей неограниченной властью русские (и не только русские) земли. Объединить любой ценой.

Идея объединения осталась в историческом сознании, образ объединителя вошел в это сознание карой господней!

Образ, создаваемый Петренко скромными, отобранными средствами, олицетворяет вершины исторического бытия, уже оторвавшегося от быта людей, уже превратившего их в спрессованные, почти геологические пласты десятков и сотен поколений, где лиц не разобрать, где люди обратились в камень. Вот он сидит в концертном кресле на постаменте рядом с дирижером и отдельно от него. Опустил голову на грудь. Так сидит Иван Грозный, исполненный из мрамора Марком Антокольским. Не от мира сего, вознесшийся мыслью к поглотившей его мечте о невиданной самодержавной власти.

Петренко, может быть, единственный актер, в чьих силах изобразить именно патологию монументальности.

...Но не был ли созвучен этот редкий концерт, ведущим началом которого была музыка Прокофьева, всецело завладевшая залом, какой-то подножной идее о непрерывности монархического, деспотического начала? Отнюдь нет! Это был концерт-раздумье о том, как сдвигаются во времени пласты народной судьбы и как мирские деяния обретают характер мифа, предстают спустя века очищенным от конкретных фактов символом, не примером, а скорее, предостережением.

Извлекать из великих произведений искусства некую удобную "на сегодня" формулу бессмысленно. С такими произведениями она в разных системах координат!